

Ю р и й П е т к е в и ч

ИСПУГАЛСЯ

Не люблю лезть в душу, но я спросил:

— Зачем ты въехала зимой в недостроенный дом?

— После того, как ушла от мужа, негде было жить! — Ната что-то зачертила носком туфельки по полу.

— Что за цветок ты рисуешь?

— Ну, так вот, — спохватилась, — пол стелили зимой! Доски сырые, полежали в снегу; сейчас рассохлись — между ними такие щели, что у моей дочки все карандаши в них закатились, и я сережку потеряла — может, найдешь?

Легче новый пол положить, чем перестилать этот. Доски выкрутило; хорошо еще, что их прибили через одну. Идешь по ним, как по клавишам пианино.

— Вот здесь, в этой комнате, — показала Ната, — потеряла сережку! Ах, — вспомнила, — уже макароны сварились!

Мы спустились со второго этажа на кухню, и я сел у окна. Ната поднесла мне тарелку макарон да еще с котлетой, а я смотрю в окно.

— Давай, ешь, — скомандовала. — А то совсем худенький; не заболел бы. Почему не живешь с мамой?

Я только начал про маму, как Ната перебила:

— У меня с мамой то же самое.

— А где сейчас твоя мама?

— Отправила на лето отдыхать с дочкой, — ответила Ната и пояснила: — Чтобы за это время разрешить свою личную жизнь, но уже скоро осень и никого не встретила. — С грустью добавила: — Чего задумался?

— С какой комнаты начать?

— Начни с той, где диван, — показала. — И ты на нем будешь спать...

Я думал: «раз-два» и все сделаю, но мало того, что из каждой комнаты приходилось выносить мебель или же передвигать ее от одной стены к другой, а потом обратно, — еще надо было снимать с петель двери и разбирать дверные коробки, чтобы вытащить из-под них доски.

Это осточертело мне, и, когда Ната уезжала на работу, я выбирался из дома посидеть за крыльцом на бревнышке и, спрятавшись в траве от голосов на улице, вздыхал.

Наконец я закончил на первом этаже и перебрался на второй. Там я решил начать с самой большой комнаты, где стояла кровать Наты и два огромных шкафа. Кровать тоже была огромная. Сначала вынесли матрас. Ната опаздывала на работу, то и дело поглядывая на часы, однако, когда выносили кровать, не забыла напомнить:

— Может, сережку найдёшь!

Чего я только под полом не находил: карандаши, конфеты, булавки; впрочем, мне так здесь надоело, что я не о сережке думал, а как бы скорее закончить и уехать к маме. Но как я обрадовался, когда, вытаскивая гвозди из доски, поднял ее, и — прямо перед глазами — сережка. Еще не время Нате возвращаться — тут остановилась возле дома машина, и я обмер, а когда услышал на лестнице шаги, вскочил и бросился навстречу с сережкой. Я даже не помню: взяла ли Ната из ладони у меня сережку; ну, конечно, взяла и, кажется, вдела ее себе в ухо, но, боюсь, едва я ей отдал сережку, опять уронила. Она сама меня первая обняла и поцеловала; целуясь, закрыла глаза, — ну, и я зажмурился, а она: *не бойся!* А потом: *воздуха не хватает!* — и я, опомнившись от поцелуя, отпустил Нату — тут ее будто пьяную повело, едва удержал, и только тогда она распахнула глаза:

— Ну, давай!!!

Еще утром вынесли из этой комнаты кровать; матрас неизвестно где — мы спустились на первый этаж и упали на диван...

А потом я сказал:

— Это все очень смешно!

— Нет, это все очень *не-смешно*, — возразила Ната. — Какой же ты худенький, — не удержалась. — И как ты напоминаешь одного мальчика. Только у того мальчика была прозрачная какая-то, бледно-голубая кожа.

— А у меня?

— А ты самый обыкновенный мальчик, — вздохнула Ната. — Ты что, обиделся, когда я сказала: *обыкновенный?*

— Нет, я загрустил, потому что ты вздохнула, — объяснил я. — Что это за голоса? — выглянул в окно.

— Мало ли кто ходит по улице! — И Ната выглянула. — А калитка у нас настезь, — засмеялась. — Даже багажник в машине открыт. Когда

приехала, внесла в дом одну сумку, а другая в машине осталась. Разве могла я подумать, что у нас так получится! — И она опять засмеялась. — Ну, вот, — уже другим, далеким голосом, — когда я училась в школе, однажды мама сказала: «К тебе хочет прийти в гости один мальчик. Не буду ничего говорить про него; ты, конечно, его знаешь, и, когда увидишь, все сразу поймешь, как с ним надо обращаться!» Назавтра, вернувшись из школы, жду мальчика и от робкого «тук-тук» обмерла, затем открываю — еще раз обмерла, когда он мне дал букет, а потом застучал через порог на костылях, пристегнутых к рукавам пальто. Я ему: *проходи!* — а сама на кухню, поставила чайник... Ожидая другого мальчика, я готова была расплакаться и совсем не знала, как надо с инвалидом на костылях обращаться, и тут, когда за стеной что-то грохнуло, понятно — о чем подумала...

А я ей:

— Щекотно, что за цветок ты на мне рисуешь? — И я поцеловал ее рисующую руку, а Ната будто не заметила и продолжала дальше:

— Я подумала, что мальчик упал, но когда из кухни заглянула в комнату, он играл на пианино!

— На этом? — показал я.

— Да, на этом, — кивнула Ната. — Я вожу его за собой всю жизнь, хотя так и не научилась играть. Только сейчас понимаю, что он грохотал по-настоящему, а я ни разу не слышала, как надо по-настоящему, и растерялась, а потом увидела за окном снег стеной. Вдруг мне стало тесно в самой себе — это слезы подступили к горлу; еще те слезы, когда недавно чуть не разрыдалась на кухне, но, глядя, как бедный мальчик мечется за пианино, не то что сдержалась, а наоборот, будто гора с плеч. И я только сейчас понимаю, если бы не снег... — И, когда она в жару про снег, я про сережку вспомнил: *если бы не сережка...* Тут Ната дальше: — Вдруг раздался пронзительный какой-то такой звук, отчего у меня сердце оборвалось...

— Лопнула струна?

— Откуда ты знаешь?

— Что это за голоса на улице? — опять я выглянул в окно. — Надо забрать сумку из багажника и закрыть калитку.

— Лучше обними меня! — И сама ко мне потянулась, но я не стал ее обнимать, и Ната спросила: — У тебя было в первый раз? — Я промолчал, а она ухмыльнулась: — Зачем еще спрашиваю, если тебе это все, как ты сказал: *смешно!*

— Едва сдержался, чтобы не рассмеяться!
— Ну, почему???
— Потому что все это очень смешно!!!
— Ты еще ничего не понимаешь, — вздохнула Ната. — Давай лучше погуляем, зайдем в церковь; видишь — за домами, белая...

Я посмотрел на часы.

— Служба давно уже закончилась.
— Ты разве не слышишь, как поют?
— Это кого-то отпевают, — догадался я и тут обнял ее.
— Мама! — Ната, глядя в окно, подхватила. — Мама приехала!
Одевайся скорее!!!

Едва я успел натянуть на себя штаны и набросить рубашку, как в комнату вбежала девочка. Пока Ната тискала свою Анечку и целовала, я успел застегнуть пуговицы, но, когда в комнату вошла мать Наты, она, конечно, обо всем догадалась.

Я поднялся на второй этаж и опять стал прибивать доски. Наконец меня позвали ужинать, и я, спустившись вниз, не на кухню свернул, а выскочил во двор и спрятался в траве за крыльцом, но меня быстро нашла Анечка.

— Тебя мама ищет!

Мне было ужасно стыдно, но деваться некуда. Я помыл руки — и за стол, а Ната распахнула окно.

— Воздуха не хватает!

— Какие ходят люди по улице! — испугалась мать Наты. — Раньше не ходили с такими страшными лицами. Ната, закрой окно! Возьмут кирпич и бросят!

Ната закрыла окно, но я сразу догадался: она закрыла окно не потому, что мама попросила, а потому что опять запели в церкви.

— Так поздно покойников не отпевают, — шепнул я Нате. — Это уже началась вечерня.

Мать Наты услышала и осторожно напомнила:

— Ты же раньше сама пела в церкви.

— Ты, Ната, пела в церкви? — удивился я. — А почему не поешь теперь?

— После похорон папы не могу петь, — как-то невнятно пробормотала Ната, и я по этой невнятности догадался, что затронул самое больное и сейчас от нее можно ожидать чего угодно.

— Еще какие-то идут! — продолжала мать Наты, глядя в окно. — Чего шлятся? — не могла понять. — А у нас настезь калитка. И багажник в машине открыт!

— Я вообще стараюсь из окон не выглядывать, — подхватил я, — но все равно — *достают голосами...*

— Неправда! — перебила Ната. — Ты чуть что — и сразу к окну, только и думаешь, чтобы скорее уехать...

— Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

Я поднялся на второй этаж и застучал молотком. Как я устал! Завалиться бы в постель, но на кухне Ната все еще разговаривала с мамой, и я не мог лечь в комнатке рядом. Я невольно прислушался к разговору внизу: когда же они закончат, как вдруг Ната закричала. И я уже не мог забивать гвозди, когда она так кричала! Я спустился вниз и осторожно заглянул на кухню. Только сунулся, но увидев багровое — не узнать — лицо Наты, тут же отскочил. Ах, зачем я спросил, почему она перестала петь в церкви? Ната очень любила отца, а мать развелась с ним, и теперь, когда он, спившись, умер, не может простить матери — и вот сейчас вырвалось! Побайваясь, что она и на меня закричит, я взбежал на второй этаж и взял молоток, но задумался. Тут же испугался — Ната поднимется вслед и спросит: «Ну, и что ты думаешь? Ты думаешь, я не знаю, о чем ты думаешь?» Услышав ее шаги в коридоре, я затрепетал, но она, войдя, даже не заметила, как я трепещу. Накричавшись, она выдохлась и едва пролепетала:

— Надо кровать принести, а то мне с Анечкой негде лечь...

Мы принесли кровать, затем матрас, и я — скорее вниз по ступенькам, тут Ната опомнилась — и за мной.

— Не грусти! — И на ухо шепнула: — Я к тебе приду...

Как можно теперь уснуть, и я на цыпочках — на крыльцо. На улице кто-то отчаянно засвистел, и я — два пальца в рот, но испугался... Я доплелся до постели и лег. Луна прямо в окно, а занавесок нет. Я спрятался от луны с головой под одеяло. Так можно задохнуться, и я, отбросив одеяло, ворочался всю ночь, ожидая Нату. Я задремал, когда начало светать, но только приоткрылась дверь, подхватился.

— Не могла от Анечки сбежать, — будто оправдываясь, прошептала Ната. — Едва пошевелюсь — она просыпается и хватает за руку: *куда ты, мама?*

Я распахнул перед Натой одеяло; она легла рядом и сразу нашла ладонью мое сердце... а потом — у нее слезы.

— Чего ты? — и я чуть не заплакал.

— Ты опять смеялся!

— Ну и что! — не выдержал я. — Ну и что — если засмеялся? Расскажи лучше, что было потом... — И, когда она не могла понять, о чем я, напомнил: — После того, как лопнула струна...

— Ах, да, — пробормотала Ната... — А что потом? Пришла мама. Попили чаю, посидели... Затем поднялись, этот несчастный мальчик стал пристегивать к руке костыль. Мама помогала ему, глянула на меня, и я поняла, другой ему сама пристегнула. Он поблагодарил меня и маму, а потом вспомнили про пальто — пришлось опять костыли отстегивать — мальчик был взволнован, а мы не подумали. Он просунул руки в рукава, я опять застегнула ремешки — хотела ему и пуговицы на пальто застегнуть, но он покраснел и сам застегнул. Я помогла ему спуститься с крыльца, — продолжала Ната. — Не понимаю, — встрепенулась, — зачем это тебе рассказываю?.. Ах, да! И он мне руку поцеловал, как ты! Ты помнишь, как поцеловал мне руку?

...После завтрака, чтобы не мешать Нате собираться на работу, я вышел посидеть на бревнышке в траве и вспомнил, как ночью под луной пытался свистнуть; мне и сейчас захотелось, но выскочила из дома Анечка. Когда я набрал воздуха, девочка оглянулась на меня, а потом еще раз оглянулась.

— Ну, куда ты? — выдохнул я.

Она вернулась, как-то прстранно глядя прямо в глаза, отчего мне стало не по себе — я думал, сейчас ударит, и даже зажмурился, но она как-то очень больно поцеловала и затем убежала. Улыбаясь, вышла Ната, а я не мог ей улыбнуться после того, как Анечка меня поцеловала. Глядя вслед дочке, Ната шепнула:

— А она ко мне сейчас подошла и сказала, что все видела...

— Что она видела?

— Проснулась — а меня нет, — все еще улыбалась Ната. — Тогда побежала меня искать; приоткрыла дверь, где мы, и все увидела...

Теперь я понял, почему меня так больно поцеловала Анечка. Она меня поцеловала, как ее мама меня целовала.

— Ну, ладно, — махнула Ната, — опаздываю на работу!

Я дождался, когда она уедет, а потом — скорее на второй этаж, где уже немного осталось перебрать досок. Закончив, я спустился на кухню, где мать Наты готовила обед, и объявил:

— Уезжаю!

Мать Наты не удивилась, и я обрадовался, что не надо ничего объяснять. Тогда она усмехнулась:

— Испугался?

— Да, испугался, — признался я. — И я не стал об этом утром, потому что... Я лучше по телефону!

— Только не звони сейчас, — попросила мать Наты, — сегодня у нее важная сделка. Позвонишь вечером...

Я взял свой чемоданчик и за калиткой вздохнул, как давно не вздыхал. Я уже больше недели не выходил на улицу, разве что голоса издали слышал, и мне теперь страшновато было выйти и послушать, о чем здесь говорят.

Догоняю парня с девушкой.

— И что, — вдруг девушка остановилась, — он остался жив после того, как в него влетела циркулярная пила?

Парень еще прошел несколько шагов и тоже остановился, но что он пролепетал, я не расслышал.

— В голову влетела? — переспросила девушка.

Я обогнал их и пошел дальше. Навстречу машина — резко на тормоза, — из нее выскочила Ната.

— Ну, и куда ты? Ладно, — махнула, — я сразу догадалась, что не удержу тебя, когда ты чуть что — и в окно. Иди, куда идешь. Нет, стой! — остановила, когда я уже пошел. — Я тебя подвезу, садись!

Я не хотел, но сел к ней в машину.

— Надо только документы забрать, — спохватилась Ната. — Утром забыла взять, а у меня сегодня сделка.

Поехали назад. Я изумляюсь Нате, глядя, как она улыбается. После того, что было между нами, она ничего не соображает!!! Какая еще сделка?! Ната выскочила за документами, а я остался в машине. У калитки Анечка выпялилась на меня. Я помахал ей, а она послала мне воздушный поцелуй — и я чуть не разревелся! Наконец вернулась с документами Ната, засунула их в портфель, затем развернула машину.

— Сколько я должна за то, что полы перестелил?

— После того, что между нами было, — напомнил я, — не надо о деньгах!

— Тебе же они очень нужны! Я же вижу, — заметила Ната, — у тебя есть девочка! Ты, кажется, — добавила, — еще что-то хочешь спросить...

— Нет, — сказал я. — После всего, что произошло, о чем еще спрашивать...

— Я же вижу, — пробормотала.

— Ну, так чего спрашиваешь, если видишь? Я хочу спросить, что было потом... Ну, потом — после того, как помогла мальчику спуститься с крыльца...

- Какому мальчику?
- На костылях.
- На каких еще костылях?

— Он тебе руку поцеловал, — простонал я. — Про него ты начала еще перед тем, как приехала твоя мама. Кстати, если бы она не приехала, все было бы по-другому. Ты поэтому на нее так кричала вчера? — Я спросил и пожалел об этом, но опомнился: — Ну, так что же у тебя было с тем мальчиком?

— Подумай сам, — изумилась Ната, — что между нами могло быть, да и вообще... — она не на дорогу смотрела, а в небо. — Но вот после того, как развелась с мужем, — призналась, — у меня опять сердце стало обрываться, как тогда в первый раз, когда лопнула струна! — И еще добавила: — Только ты своей девочке обо мне не говори...

